

ГЕРОИЗМ ПОНЕВОЛЕ

Быт осажденного города глазами блокадников

Два месяца люди не знали, что они в блокаде

– В конце 1930-х войну, в общем-то, ждали. И все-таки она оказалась внезапной. Однако многие были уверены: война скоро закончится, все наладится и уж до Ленинграда немцы точно не дойдут... Все оказалось иначе.

Во время блокады людям катастрофически не хватало информации. Конечно, работало радио. Ленинградцы могли узнавать о главном – о выдаче продуктов, о карточных нормах... Были и сухие сводки Совинформбюро о положении дел на фронте. В каком-то смысле радио спасало и от одиночества, внушало оптимизм. Но все же информации остро не хватало, особенно той, от которой зависело не только благополучие, но и жизнь.

Достаточно сказать, что в течение двух месяцев никаких официальных сообщений, что город окружен, не было. Почему? В том числе потому, что руководители города и Ленфронта полагали, что наши войска вот-вот прорвут блокаду. Но это, к сожалению, произошло значительно позже.

Да и жители осажденного города все время ждали прорыва блокады. Еще неделя, другая, ну, к

22 июня 1941 г. Рабочие завода ГОМЗ им. ОГПУ слушают радио

новому, 1942-му уж точно... Ну, к 23 февраля, к 1 мая... Потом люди устали надеяться. Блокада оказалась чересчур долгой...

Конечно, все это породило гигантский вал неформальных известий, которые компенсировали официальную «немоту». И хотя еще с мирных времен все привыкли быть бдительными и осторожными, война в известном смысле развязала языки.

Надежда на пролетарскую солидарность

– Кто-то даже полагал, что ничего страшного не будет, если немцы придут. Ну, постреляют коммунистов, евреев, но вот мы же не коммунисты, не евреи, считали такие, нам-то что? Немцы нас накормят... Подобные настроения были нечастыми, но они были. Полагаю, такие люди руководствовались следующей логикой.

Кто написал «Капитал» и «Манифест коммунистической партии»? Немцы Карл

8 сентября 1941-го замкнулось кольцо вражеских войск вокруг Ленинграда... Страшные 872 дня осажденный город выживал из последних сил – не только физически, но и морально. О чем думали и чем жили ленинградцы в то жуткое время, что помогало им выстоять и кто не смог сдать этот беспощадный экзамен, то есть о блокадной повседневности, рассказывает доктор исторических наук профессор Санкт-Петербургского университета, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН Владимир ПЯНКЕВИЧ, давно уже изучающий дневники, письма, воспоминания, другие личные документы блокадников.

4 БЛОКАДА БЕЗ КУПЮР

9 июля 1941 г. Ленинградцы читают последние известия в «окнах ТАСС» у кинотеатра «Москва»

Маркс и Фридрих Энгельс. И вспомним лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» из этого манифеста. Ведь в Советской России считали так: пролетарии Германии вот-вот поднимутся и скинут Гитлера – ведь не может быть, чтобы немецкие рабочие воевали против первого в мире государства рабочих и крестьян. То есть надеялись на пролетарскую солидарность. Кто-то надеялся на высокую культуру немцев, давших миру не только инженерную мысль, но и науку, философию, великую музыку... Да и вспомните, какой иностранный язык учили в советских школах? Немецкий. До войны в Советской России работало немало немецких инженеров, они помогали строить заводы и т. д.

То есть привыкли считать немцев людьми высокой культуры, которые не позволят уничтожить такой великолепный город, как Ленинград, Петербург...

Между тем это были мифические надежды: немецкое командование ни под каким видом не собиралось кормить население города в случае его взятия. Да и сам Ленинград Гитлер собирался стереть с лица земли.

Такие документы есть, и они четко обрисовывают, какая участь была уготована нацистами и жителям, и городу.

Мечты о еде и штрафы за разговоры о ней

– Главным предметом всех разговоров и слухов было одно – пища. Еда, мечты о ней, разговоры о прибавке нормы хлеба, о скором насыщении города продовольствием...

ЦИФРЫ

САМЫЕ СТРАШНЫЕ ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ

Из справки ленинградского Управления НКВД о смертности населения по состоянию на **25 декабря 1941 г.** (рассекречена недавно).

«Если в довоенный период в городе в среднем ежемесячно умирало до **3500 чел.**, то за последние месяцы смертность составляет:

в октябре – **6199 чел.**,

в ноябре – **9183 чел.**,

за **25 дней** декабря – **39 073 чел.**

В течение декабря смертность возрастала:

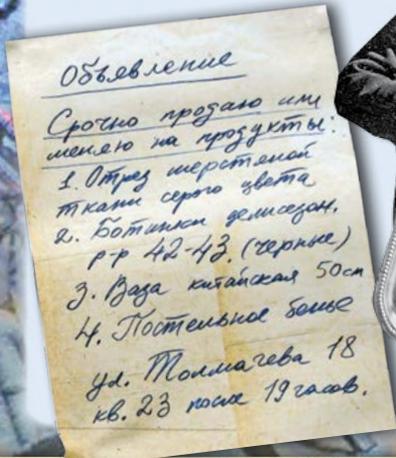
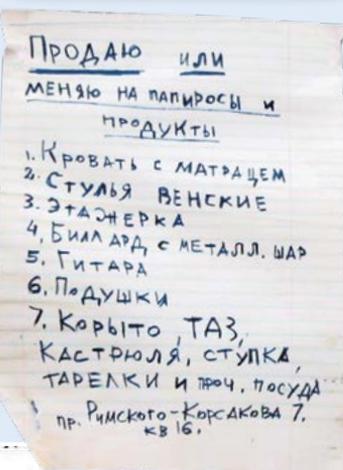
с **1 по 10 декабря** умерло **9541 чел.**,

с 11 по 20 декабря –

18 447 чел.,

с **21 по 25 декабря** –

11 085 чел.»

Рынок блокадного Ленинграда

Круглые сутки батальоны звуковой разведки слушали небо над городом

Все вокруг напоминало людям о еде.

К примеру, блокадники смотрели фильм «Маскарад» и возмущались: чего это Арбенин мечется, он что, не видит роскошного стола? Ел бы, а не выяснял отношения...

А знаете, какая книга стала популярной в городе в первую, самую страшную зиму блокады? «Подарок молодым хозяйкам» Елены Молоховец. Эту кулинарную книгу читали вслух, переписывали... Кому-то разговоры о еде помогали, а кто-то досадовал, требовал прекратить говорить об этом. В некоторых коллективах люди даже договаривались: о еде – ни слова, иначе штраф. Всякое бывало.

Даже в дневнике «Осадная запись» великолепного ученого-востоковеда профессора Александра Болдырева торжествует желудок. Человек

высокоинтеллектуальный, глубокий мыслитель... Но и он постоянно пишет о том, где и как достать еду, есть ли хлебная прибавка, за какую работу полагается льготное питание и т. д.

Люди ели все, что хотя бы приближительно напоминало еду, – кожаные ботинки, ремни, столярный клей, растения, любые грибы, кроме мухоморов... Проще сказать, чего не ели – камни и металл.

С 20 ноября по 25 декабря 1941-го нормы пайки хлеба по карточкам были минимальными. Для детей и иждивенцев – 125 граммов в день. 25 декабря 1941-го впервые прибавили норму пайки...

Уполномоченный Государственного комитета обороны по обеспечению населения города и войск фронта продовольствием Дмитрий Павлов вспоминал, что решение о повышении расхода хлеба, казалось, походило на прыжок с закрытыми глазами через неизвестное пространство.

Это, самое первое повышение окрылило людей – многие радовались, как безумные, говорили: вот теперь все наладится... К сожалению, мечты не сбылись. Более того, январь 1942-го – это пик смертности.

Чуть легче стало только весной, когда начала повышаться норма выдачи хлеба по карточкам и появилось солнце, выросла трава, которую тоже было можно есть...

По карточкам, но за деньги

– У нас в стране укоренилось представление, что по карточкам продукты выдавали бесплатно. Однако это не так, за них надо было платить. Цены были мизерными, но даже на таких условиях не у всех была возможность отovarивать карточки – например, у детей, чьи родители умерли.

Наличие карточки не всегда гарантировало, что все указанные в ней продукты можно получить. И если хлеба было очень мало, но он все же был, то осенью 1941-го и зимой 1942-го многих других продуктов – круп, жиров и т. д. – катастрофически не хватало и их не могли завезти. Скажем, по карточке полагалось 5 г масла, но его не было. Бывало, люди часами простаивали в очереди, чтобы узнать, что сегодня масла нет...

Продукты по карточкам власти смогли обеспечивать более стабильно лишь с весны 1942-го.

ЦИФРЫ

По данным ленинградского НКВД на первый день Великой Отечественной, в Ленинграде проживало **2 812 634 чел.**, из них – **591 603 ребенка**.

С 22 июня по 4 сентября 1941 г. из города вышло в эвакуацию **363 318 чел.**, включая **3889 детей**. Это огромная цифра, с учетом сложности момента.

В первый день блокады, 8 сентября, в Ленинграде находилось **2 457 605 чел.**

На рынке было все

– Дополнительно еду можно было получить, скажем, сдавая кровь. Истощенные люди шли на это – кусочек сахара и несколько граммов масла могли спасти жизнь ребенку. Еще можно было сдать ценности в ломбард. Но взамен давали деньги, не хлеб. К тому же в ломбарде денег порой давали меньше, чем за те же вещи можно было получить на рынке, поэтому самым распространенным способом получения небольшой прибавки к блокадному пайку был обмен вещей на продукты. Две трети населения осажденного города искали спасения на рынке.

Продукты на рынках стоили фантастически дорого. Правда, еду можно было выменять на золото, драгоценности или какие-то востребованные вещи – теплую одежду, хорошую обувь. Востребована была и модная одежда – теми, у кого были продукты питания, – работниками общепита и продавцами магазинов.

Водка тоже была ходовой валютой – на нее можно было выменять у военнослужащих консервы. А вот военным категорически запрещалось появляться на рынках. Практически под угрозой расстрела.

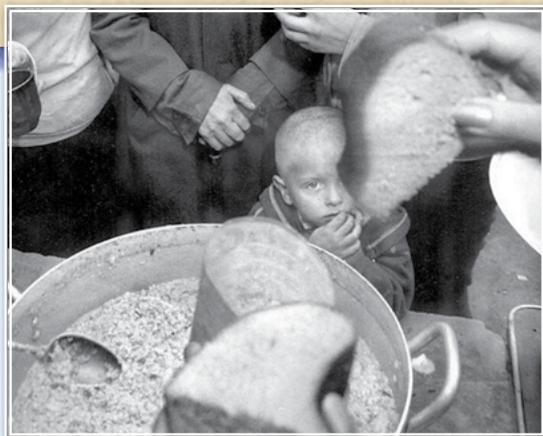
Понятно, что большие объемы таких продуктов, как хлеб, масло, крупы, были получены, мягко говоря, незаконно. Спекулянтов отлавливали и сажали. Но это было непросто – на рынке торговали не только воры, но и обычные люди. Как их различали?

Скажем, человек приносил на рынок 100 г хлеба. Трудно заподозрить такого продавца в воровстве – возможно, он хотел обменять свой паек, скажем, на рис.

Все знали, что только рис может помочь при голодном поносе. А голодный понос – признак близкой смерти... И, чтобы от него избавиться, нужен рисовый отвар. Купить рис в обычном магазине было нереально. Чтобы спасти близких – ребенка, маму, – некоторые несли на рынок свою пайку хлеба, ценные вещи, чтобы поменять на рис.

За рынками наблюдали специальные сотрудники НКВД. Если они видели, что кто-то несколько раз за день приносит на продажу хлеб или масло, такой обладатель продуктов становился объектом уголовного преследования.

Отношение к рынку у блокадников было двояким. С одной стороны, люди ненавидели тех, кто продавал ворованные продукты, призывали расстреливать спекулянтов, с другой – искали встречи с ними. Порой это был единственный шанс на выживание. Возможность что-то купить на рынке многим спасала жизнь.

Спустя годы после войны кто-то знал, в чем серванте стоят его дорогие вещи, кто носит его кольца, бриллианты, хорошую одежду... Однако был им даже благодарен – обмен спас их от смерти. Такой вот парадокс. Люди ненавидели рынок, но и выжить без него не могли.

«Меняю ценные вещи на кошку»

– Блокадники давали и частные объявления – на заборах или на забитых досками витринах магазинов. Предлагали кузнецовский фарфор, золотое кольцо или патефон в обмен на хлеб и другие продукты. К слову, патефоны были весьма востребованы.

Попадались и такие объявления: «Обменяю ценные вещи на кошку». Или на собаку. Животными интересовались в гастрономическом смысле. Люди были настоль-

Объявления об обмене вещей на продукты

ко голодными, что буквально охотились на кошек и собак. Причем это был деликатес и прежде всего им кормили детей.

Одна женщина вспоминала, как во время еды девочка задумчиво отставила тарелку и сказала: «Так всегда бывает: пока жива – это киска, а когда едят, называют кроликом». Девочка, видимо, догадывалась, что она ест...

В ноябре-декабре 1941-го кошку можно было купить за 50–60 руб., и это было дорого. На пике тягот блокады цена за собаку или кошку доходила уже до 300 руб.

К весне 1942-го численность домашних животных в городе сократилась настолько, что они стали совершенно диковинным явлением. Маленькие дети, кому в то время было два-три года, вообще никогда не видели кошек и собак.

В 1944-м животные вновь, как в пик тягот, начали стоить очень дорого – люди интересовались ими уже в обычном, а не в гастрономическом смысле.

Тех, кто ел домашних животных, знакомые или коллеги могли исключить из круга добропорядочных людей, практически приравнивая к людоедам.

В то же время многие до последнего сохраняли своих питомцев, особенно одинокие люди. Однако смерть хозяина означала и смерть животного.

Вообще, отношения людей и животных – это не быт, а философия отношения к жизни. И во время блокады все обострилось, проявились вещи, обычно скрытые.

С исчезновением кошек в городе стали заметнее мыши и крысы. Еще год назад я был уверен, что их не ели. Но недавно нашел

документы, дневники, где люди признаются – ели. Так, один человек в дневнике записал: поймал сегодня крысу, освежевал и съел с капустой, и было очень вкусно. Понимаете, он не вспоминает, а именно констатирует – сегодня поймал и съел... Но это не было массовым явлением.

Капуста близ Исаакия

– С лета 1942-го в городе было создано огромное количество огородов. Хорошо известны фотографии, как близ Исаакиевского собора выращивают капусту.

Овощи выращивали и рядом с Адмиралтейством, и в других местах. Сажали и глазки картошки, и морковь, и другие овощи. Работникам заводов, учреждений, ведомств выделяли полосы земли, где только можно было приду- мать.

Порой случалось – люди все лето ухаживали за своей грядкой, а когда приходила пора убирать урожай, его уже кто-то украл.

Как бы то ни было, выращенный урожай был хоро-

ЦИФРЫ

КОШАЧЬЯ ЛЕГЕНДА

Известна история, как в Ленинград завезли более двухсот кошек из Ярославля – чтобы спасти город от появившихся там полчищ крыс. По другой версии, был целый эшелон кошек...

– Это миф, – уверяет Владимир Пянкевич, – документального подтверждения эта история не имеет. Называли и другие города – Тюмень, Красноярск... В Тюмени даже есть памятник этим кошкам. Между тем документов, подтверждающих перевозку животных в осажденный город, пока не обнаружено.

шим подспорьем для питания блокадников. И не только – на рынках появилось больше овощей, цены на них снизились.

Блокада стала страшным экзаменом, который сдали страна, город, его экономика, люди – мужчины, женщины, дети, их взаимоотношения... Блокада выявила, обострив, подлинность отношений между людьми. Все подверглось катастрофическому испытанию.

■ **Записала Елена Сковцова**

Фото в материале: Б. Уткин, Б. Кудояров, В. Федосеев, открытые источники